

Яковлева Е.А., Ситникова Е.А.

(Россия, Уфа)

Речевая маска «шутник» в уфимском медиадискурсе

Ключевые слова: речевое поведение, медиадискурс, речевая маска «шутник».

В статье, связанной с теорией речевого поведения личности, на примере речевой маски «шутник» рассматриваются проблемы выбора эффективных речеповеденческих моделей в сфере современного медиадискурса.

Yakovleva E.A., Sitnikova E.A.

(Russia, Ufa)

Key word: verbal behavior, mediadiskurs, speech mask “Joker”.

The problem of a speech mask “Joker” in a context of Theory verbal behavior of person is touch upon in this article.

Игра – уникальный феномен, всегда привлекавший внимание философов (Аристотель, И. Кант, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, Ж. Деррида), историков-культурологов (Й. Хёйзинга), психологов (Д. Б. Эльконин). Не случайно понятие «игра» находится также в сфере интересов современных лингвистов (Т.А. Гридина и др.). По мнению исследователей, «игра» подразумевает искусство, творчество, зачастую связанное с непредсказуемостью полученных результатов. В последнее время ученые отмечают: современная культура во многом обусловлена *«играизацией»* общества, что позволяет рассматривать речевое поведение индивида в частности и как духовный продукт этой деятельности.

Элементы игры, театрализации, карнавализации, проникающие в различные сферы общения и обуславливающие взаимопроникновение игрового и серьёзного, во многом видоизменяют стандарты современной коммуникации. Так, сегодня одним из условий эффективного общения становится способность homo loquens (человека говорящего) к сознательной самопрезентации, то есть к целенаправленному изменению и конструированию своего речевого облика. Рассмотрение homo loquens в качестве социального субъекта («неразрывного единства биологического, психического и социального») происходит на фоне изучения и описания функционально-прагматической стороны речевой деятельности говорящего, поскольку именно такой подход делает понятным прагматику его высказываний.

Стремление личности к *самовыражению, самопрезентации*, речевому перевоплощению, особенно востребовано в рамках публичной коммуникации (в частности, в сфере медиадискурса), где используется огромный арсенал вербальных и невербальных средств (стилизация речи, внешность, мимика, одежда и пр.), т.е. всё то, что позволяет сформировать в сознании адресата определённый *образ*, предъявляемый для всеобщего обозрения. Особо важную роль в экспонировании создаваемого образа непосредственно играет *речевое поведение* индивида, адекватное и исчерпывающее описание которого с позиции участия в создании образа, конечно, не может сужаться до собственно лингвистического анализа языковых ресурсов (совокупности слов, выражений, речевых формул и пр.), так как предполагает также учёт невербальных средств. Однако специфика медиадискурса лишает нас комплексного подхода в описании речевого поведения говорящего. В распоряжении лингвиста, наблюдающего за манерой поведения журналиста в радиоэфире, более значимыми становятся, прежде всего, языковые средства, которые задействует диктор/ведущий программы в процессе радиообщения. Задача исследователя – не просто «услышать», как говорит человек, какие языковые средства он использует, но и понять, зачем он это делает, установить причины, побуждающие его выбирать одни языковые приемы выразительности и игнорировать другие. В нашей статье в рамках общей теории речевого поведения мы рассматриваем общение как деятельность, имеющую мотивы, цели, стратегии и способы реализации [5].

При изучении речевого поведения представителя медиасферы важно помнить два момента. Во-первых, о чём бы ни говорил журналист, «он всегда выступает как человек *социальный*. Это может быть открытая энергичная защита (или опровержение) каких-либо тезисов, положений, мнений с использованием многообразных средств интеллектуального или эмоционального воздействия, или сдержанное, почти нейтральное изложение» [6. С.15]. И вторая, не менее важная грань категории автора/диктора, – это то, что он предстает перед нами как *человек частный*. В этом плане журналист использует характерные приёмы интимизации, стремясь выглядеть «своим» для конкретной аудитории, при этом в сфере его внимания оказываются частные человеческие проблемы. Такое личностное приближение к слушателям, заставляет говорящего формировать соответствующий образ, требует сознательной самопрезентации, целенаправленного изменения и продуманного конструирования своего речевого облика. Палитра подобных образов разнообразна: одни выбирают в качестве базовой модели поведения речевую агрессию, другие – провокацию, третьи – стёб, пытаются «уболтать» своего зрителя или слушателя, используя ёрничанье в попытке «интеллектуализировать» речь (если рассматривать стёб как своеобразную «интеллектуальную лабораторию» [3. С.157]). - *Расскажите, Дмитрий, о себе. Чем живёте, о чём мечтаете?* - *Я еще не добился мечтаемого уровня. - А сколько уровней вы уже прошли?* (смеются) («Спутник FM», Е. Аристова). Здесь мы видим, что адресант/говорящий явно рассчитывает на смеховую реакцию адресата: его целью становится продуцирование комического дискурса, каковая и определяет выбор стратегии, то есть совокупности речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, контролирующих их оптимальное достижение в условиях недостатка информации о действиях партнёра [4. С.100].

В уфимском медиадискурсе, по нашим наблюдениям, одним из наиболее ярких проявлений лингвокреативной речевой деятельности журналиста, связанной с изменением речевого облика, является создание речевой маски «шутника». Формирование такого образа напрямую связано с соответствующим оформлением речевого поведения, что, конечно, предполагает наличие широкого когнитивного диапазона, языковой и коммуникативной компетенций, актерских способностей и психологического настроения.

Следует отметить, что образ «шутника» (шута, дурака, плута) является древним. Еще М.М. Бахтин указывал на то, что эти персонажи берут начало в доклассовом фольклоре [Бахтин 1975: 314]. Не останавливаясь специально на данной проблеме, отметим только, что само понятие «шут, шутник» довольно размыто. Лексема «шутник» стала своеобразным инвариантом ряда реально существующих типажей: *шут, шут гороховый, скоморох, весельчак, циник, балагур, остролов, остряк, зубоскал, юморист, сатирик, потешник, насмешник; хохмач, лясник, трепач, ерник, прикольщик* и т. д. Об универсальности данного типажа свидетельствует значительный потенциал синонимов русского языка, охватывающих исторически обозримое время (*смехотник, смехотвор, утешник, смехун, смешник, фарсун, циркач, штукар, скалозуб, фарсер, смехотворец, ера, хохмогон, корочник, стебок, юморной, пригудник, остроумец, баяльник, указейник, остряк, остроумник, бонмотист, накольщик, шуткевич, прибабасник, глумитель*). Шутник – человек, склонный к порождению юмористического дискурса, созданию юмористической ситуации, способный увидеть нечто скрытое от слушателя. Как правило, он стоит над обыденной реальностью, зачастую идеологически противопоставлен ей. Шутовство связано с высмеиванием действительности, положением «вне логики» развития событий, со способностью увидеть нечто новое в казалось хорошо устоявшемся старом. Это достигается, в частности, умением найти новые смыслы в слове, обнаружить неожиданные ассоциативные связи: *Хоть и говорят, что с лица воду не пить, всё-таки внешность тоже важна. - Внешность девушки? - Ну да. И еще главное, чтобы внешняя оболочка соответствовала внутренностям. - Внутренностям девушки?! Даже страшно представить, как может*

выглядеть ваша избранница /смеются/ («1-й канал», «Ночной интерактив», тематическая передача, посвященная проблемам супружеских взаимоотношений).

Говоря о речевом поведении человека, нельзя не затронуть и понятие **«речевая маска»**, связанное с коммуникативно-экспрессивными «играми» современного носителя литературного языка. Т.Г. Винокур справедливо отмечает, что анализ диалоговых фрагментов дает материал для идентификации характерных черт социально-речевого облика говорящих: «Мы получаем, с одной стороны, сведения об определенных признаках постоянного языкового статуса носителей языка и, с другой стороны, об их умении <...> проигрывать разные речевые роли в зависимости от условий и целей общения» [2. С. 143]. В этом плане речевая маска **«шутник, балагур, острослов»** представляет собой ситуативную коммуникативную роль, которую можно отождествить со стратегией **«речевая маска»**. Речевая маска «шутник» всегда *инициативная*, поскольку она сознательно «творится» в общении для достижения определенной цели [7.С. 81]. На основании критерия «время» И.А. Стернин разделяет термины «речевая маска» и «имидж»: кратковременную (ситуативную) коммуникативную роль он отождествляет с понятием **«речевая маска»**, тогда как долговременную называет **«имиджем»**, ролевой маской, которая «надевается» для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к личности, получения выборной должности и т.д. надолго [там же].

В нашем понимании коммуникативная стратегия «речевая маска» предполагает также наличие специфического стиля общения языковой личности, формирующего речевой образ говорящего, манеру поведения, представленные речевыми действиями [8]. Шутник в зависимости от речевой ситуации, как правило, способен надеть на себя самые различные речевые маски. При этом говорящий как бы перевоплощается в иную языковую личность, временно исполняя ее роль. Интегральными признаками, общими для «человека шутящего», являются: эрудиция, общительность, коммуникативная эмоциональность, способность к критическому и комическому восприятию мира, спонтанная реакция на ситуацию общения, настроенность на юмористическую тональность, преобладание фатической и развлекательной интенций в мотивации общения. В целом коммуникативная стратегия «речевая маска» - это имитация чужого речевого поведения, включающая иную манеру речи, иной лексикон и предполагающая иную картину мира. При этом человек «перевоплощается» в другую языковую личность на основе собственных представлений о том, каковой эта личность должна быть.

Следует отметить, что коммуникативная стратегия «речевая маска» имеет четыре основные функции: *манипулятивную, имиджеобразующую, игровую* и функцию **самовыражения**. Мониторинг текстов уфимского медиадискурса показал, что в любой речевой маске присутствуют элементы всех функций, однако доминирующей, как правило, оказывается одна из них. В рамках данной статьи мы анализируем игровую тактику, поскольку чаще всего «шутник» реализует свой творческий потенциал именно с ее помощью. При этом следует помнить, что сам момент присвоения чужого речевого поведения включает элемент риска, свойственный игре: узнает собеседник маску или нет, поймёт ли, оценит ли шутку.

Перевоплощение в другую языковую личность предполагает момент актерства, игры, «вживания» в образ. В основе игровой функции речевой маски «шутник» лежит языковое балагурство с установкой на получение эстетического удовольствия (гедонистическая интенция говорящего), поэтому, примеряя данную роль, стараясь произвести впечатление на слушателя, говорящий прибегает к языковой игре: - *Ну, Наташ, вернемся к нашим...э...Вашиим баранам, вернее, к одному из них [разговор о муже] /смеются/ («Русское радио Уфа»).*

С помощью речевой маски «шутник» говорящий создает себе некий образ, имея в виду цель - показаться в глазах собеседника более умным, (значимым, остроумным, сведущим, начитанным и т.д.), чем он есть на самом деле. В этом случае отмечается также и

манипулятивная функция речевой маски: заставить слушателя повысить оценку личности говорящего. Как правило, для создания речевой маски говорящий использует некий образец - речевое поведение престижного языкового лидера (Л.П.Крысин). Так, стремясь произвести впечатление на собеседника, диктор создает с помощью речевой маски образ интеллектуала, используя цитаты из известных песен, фильмов, строки из стихов. - *А что это у нас такой сегодня пасмурный день? Никак осень! «Унылая пора, очей очарованье»... Всё-таки прав был Александр Сергеевич... уныло и пасмурно... что ж, будем поднимать себе настроение новой композицией Мадонны «Turn Up the Radio» («Европа плюс Уфа»)/ /- Ну что ж, как говорил известный персонаж Ильфа и Петрова: «Лёд тронулся, господа присяжные». И наш лёд тоже тронулся, добрый день, вы слушаете «1-й канал». Как бы не тронуться самому... я работаю сегодня в сложных метеорологических условиях – гроза! Я боюсь грозу... а вы? Давайте поговорим сегодня о погоде, о том, как она влияет на наше самочувствие, о встрече, может, вами с шаровой молнией, с цунами, со страшным смерчем и так далее... Итак, «Лёд тронулся» - тема нашей сегодняшней программы («1-й канал»)/.*

Манипулятивная функция заключается также в том, что говорящий может манипулировать поведением адресата в целом, добиваясь от адресата определенных слов, действий, поступков. При этом собеседник в процессе коммуникации должен чувствовать себя комфортно, сохраняя иллюзию равноправного участника коммуникации. *То есть Вы обладали в 90-е мозгами, умеющими зарабатывать деньги? - Нет, родителями, умеющими это делать /смеются/ («Спутник FM», Т. Краснова, «Частное дело», вопрос гостю – адвокату)/.*

Коммуникативная стратегия «речевая маска» - сложное, многоуровневое образование. Здесь важно не усложнить продуцируемый текст, так как адресат может не понять заложенный во фразе смысл и не выразить адекватной реакции. Если коммуникативное намерение, содержащееся в высказывании, правильно «расшифровано» адресатом, то можно говорить о том, что цель речевого акта достигнута. /Гость: *Наши отечественные смазочные материалы специально сделаны для того, чтобы рыбы можно было поймать как можно меньше и сложнее.* Диктор: *А это чтобы продлить удовольствие.* Гость: */смеётся/ А, ну тогда удовольствия пруд пруди – можно целый день ловить, одно удовольствие и поймаешь.* /оба смеются/ («Спутник FM», программа «Гость», беседа о рыбалке)/.

При выборе коммуникативной тактики «шутник» интенция связана с поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения, языкового способа представления реального положения дел. Анализ уфимского радиодискурса показал преобладание в нём *фатической* и *развлекательной* интенций. В большинстве зафиксированных случаев юмор сближает коммуникантов, делает их поведение более раскованным, коммуникацию – более успешной и непринуждённой. / - *Вы знаете, опрос населения показал, что у нас растет благосостояние семей нашей республики. - Лично я на себе что-то этого не замечаю. Как ходил пешком, так и хожу. – Ну что ж, значит, пока растёт не благосостояние, а здоровье... - Да уж! /смеются/ («Спутник FM», Г. Шавалеева, программа «Статус»)/.* Говорящий создаёт речевое произведение, имеющее многоинтенциональную структуру. При этом каждый раз говорящему приходится ориентироваться на конкретного человека, основной интенцией становится интенция расположить к себе собеседника. /- *Как интересно! Да вам же надо мемуары писать. - Думаете, уже пора? - Ой, нет, нет, это уже потом, совсем потом, в глубокой старости. - Ну, спасибо. Немного успокоили. /смеются/ («Спутник FM», Я. Сотникова, беседа с представителем уфимской артистической богемы)/. /- *Люди у нас талантливые, очень такие с богатой фантазией. Уважаемый Артём, посылающий мне эсэмески весь вечер и приглашающий на суши, - у меня аллергия на рыбу. Придумайте что-нибудь другое. ...Ну хорошо, Артём, не обижайтесь, можно и суши, будете учить ведущую-аллергика пользоваться палочками /смеётся/ («1-й канал», Л. Смирнова)/.* В последних двух примерах адресант терпит коммуникативную неудачу: в первом случае адресат возражает, не*

соглашаясь с намёком на свой возраст, во втором примере очевидное молчание собеседника вынуждает адресанта вновь расположить адресата, переводя разговор в шутливую тональность.

Фатическое общение, подразумевающее установление контакта между говорящими, требует использование кооперативных стратегий и большого диапазона речевых тактик для поддержания коммуникативной заинтересованности собеседников, активизации внимания и пробуждения интереса к теме разговора. Речевая маска «шутник» позволяет создать такую особую атмосферу разговора, где каждое высказывание может приобретать (при определённом мастерстве диктора) юмористический обертон смысла, сглаживая все шероховатости и коммуникативные неудачи участников медиадискурса.

В завершение хочется отметить ещё одну яркую черту уфимских журналистов - их активное стремление к словотворчеству. Рассматривая понятие «речевая маска» (в узком понимании этого термина) также в качестве одной из разновидностей языковой игры («домашние» игры современных носителей литературного языка, балагурство и пр.), многочисленные примеры окказионального словообразования, зафиксированные в нашей картотеке, мы можем идентифицировать словотворчество как лингвокреативную речевую деятельность. /- *Современные женщины становятся независимыми, они эмансипируют, они культивируют себя. - Я себя не культивирую, а окультуриваю.* («1-й канал», Н. Азарова)/; /*Три часа восемь минут на русскорадийных ходиках.* («Русское радио Уфа», Д. Рубцов)/; / - *Я всю ночь отключил... Играл в «Атмосфере», потом подался в «Турист»...* («Русское Радио Уфа», реплика DJ Руслана Бикбулатова/. Игровое словообразовательное творчество уфимских дикторов, фатическая, игровая, развлекательная и гедонистическая интенциональность которого является одним из предметов описания в рамках темы «конструирование КС «речевая маска», ещё требует детального наблюдения и исследования.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
3. Воротников Ю. Л. Слова и время / Ю. Л. Воротников. – М.: Наука, 2003. – 167с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск. Гос. ун-т, 1999. – с. 284.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей/ - 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С. 13-31.
7. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. - Воронеж, 2001.-252 с.
8. Яковлева, Е.А. Речевая маска в поэзии В.Высоцкого // Гуманистические искания В.Высоцкого и проблемы духовной жизни человека в современном мире: Материалы Межд. н.-пр. конф. 5-6 мая 2003 г. / Восточ. Ин-т экономики, гуман. наук, управл. и права. – Уфа: Сочи: Восточ. ун-т., 2004. – С.40-42.